

Двѣ Россіи.

Quasi-возстаніе въ Москвѣ, подлинное возстаніе въ Прибалтійскомъ краѣ, аграрные бунты и рабочіе беспорядки въ разныхъ мѣстахъ Россіи, съ одной стороны, а съ другой стороны—Дубасовы, полковники Мины и Риманы, штрафная экспедиція въ Прибалтійскій край, разстрѣлы и аресты безъ числа и смысла,—все это дѣйствительность и въ тоже время фантазмагорія. И когда же это кончится? И какъ это можетъ кончиться? Въ чемъ тутъ дѣло?

Есть ли во всѣхъ этихъ проявленіяхъ борьбы и озвѣрѣнія, отъ которыхъ европейское человѣчество начало въ Европѣ отвыкать, есть ли въ нихъ какой-нибудь историческій смыслъ, указующій исходъ и могущій дать смятенному духу хоть какую-нибудь опору для творческой работы? Или исхода нѣтъ, и на кровавый разгулъ, которымъ бюрократія отвѣчаетъ на русскія „революціи“, мы можемъ отзываться лишь судорогами негодованія и отчаянія?

Нѣтъ, *смыслъ* есть, и онъ указываетъ исходъ.

17-го октября Россія самодержавная, чиновная и владѣльческая еще не капитулировала, она только—по крылатому слову манчжурскихъ реляцій—„отступила на заранее приготовленные позиціи“. А въ тоже время Россія народная, въ стихійномъ взаимодействіи съ Россіей интеллигентной, породила русскія революціи. Этого только и нужно было притаившейся бюрократии: мигомъ она—въ лицѣ Дурново, Дубасовыхъ и пр. и пр.—выскочила изъ „заранѣе приготовленныхъ позицій“ и—во имя охраненія порядка и цѣлости государства—стала душить народную Россію.

Разрозненные стихийные революции дали контрреволюции великодушный предлог выступить спасительницей отечества. И сейчас же съ потрясающей ясностью обнаружилась волчья природа бюрократии. Начался тотъ разгулъ репрессии, который чтение русскихъ газетъ превращаетъ въ истязаніе для всякаго не озвѣрѣвшаго и не оупѣвшаго въ подломъ хамства чловѣка.

Но тутъ-то и нужно полное самообладаніе. Нужно, чтобы въ этой ужасной схваткѣ революцій и контрреволюцій народная Россія не потеряла, а осознала себя.

Тогда конецъ наступитъ быстро и, быть можетъ, безболѣзненно, ибо теперь бюрократія нравственно добила себя своими преступлениями.

Быль, быть можетъ, моментъ, когда обезумѣвшая Россія и въ своихъ народныхъ элементахъ вообразила, что адмиралъ Дубасовъ дѣйствительно только возстановилъ порядокъ и тѣмъ спасъ отечество, словомъ, когда высшая военная и штатская бюрократія—въ союзъ съ тѣмъ, что называется „дворомъ“—могла показаться странѣ безкорыстной хранительницей чистой идеи государства.

Но въ Россіи происходитъ не просто политическая революція, а огромный социальный сдвигъ, и онъ-то все ставитъ на свое мѣсто.

Въ то время, какъ представитель именитаго московскаго купечества, господинъ Николай Гучковъ, исполнялъ—какъ бы выразиться помягче!—служительскія обязанности при адмиралѣ Дубасовѣ,—подъ эгидой этого единственнаго побѣдоноснаго адмирала русскаго флота въ Москвѣ засѣдали уполномоченные представители владѣльческой Россіи, производители дворянства, и готовили отпоръ требованіямъ крестьянской Россіи, а столичная бюрократія хоронила проектъ земельной реформы, выработанный г. Кутлеромъ, какъ „слишкомъ либеральный“.

Разомъ для всѣхъ должно было стать яснымъ, что Рос-

сія придворно-бюрократическая, Россія Дурново, Дубасовыхъ и семеновскихъ офицеровъ есть лишь другое лицо Россіи владѣльческой, и что эта владѣльчески-бюрократическая Россія стоитъ поперекъ дороги Россіи народной.

Вотъ то, грозное для всякой реакціи противоположеніе, которое нужно пронести черезъ всѣ искаженія революцій и контрреволюцій и на острую грань котораго нужно поставить всѣхъ Витте, Дурново, Дубасовыхъ, а кстатѣ и ихъ прислужниковъ, т. е. весь Союзъ 17-го октября. Для этого всякія „революціи“, всякіе „бунты“ только вредны, ибо въ нихъ противоположеніе Россіи народной и чиновно-владѣльческой не проясняется, а только стирается. Между тѣмъ стоитъ только внѣдрить это противоположеніе въ сознаніе народныхъ массъ, и массы своими избирательными записками произведутъ весь нужный для страны переворотъ. Если лозунгомъ выборовъ для народныхъ партій Россіи будетъ: „за Россію народную противъ Россіи бюрократической и владѣльческой!“, и если этотъ лозунгъ войдетъ въ сознаніе массъ, то и первая Государственная Дума, по законамъ 6 Августа—11 Декабря, „сниметъ“ бюрократію съ легкостью, которая всѣхъ поразитъ.

Но для этого нужно, чтобы то противоположеніе, о которомъ мы говоримъ, ничѣмъ не затуманивалось въ народномъ сознаніи, чтобы теперь, когда слово за народомъ, вмѣсто народа-націи не выступали съ рискованными предпріятіями отдѣльные его элементы, и чтобы революція не нарушалась „революціями“.

Для революціи теперь нуженъ порядокъ, ибо только при полномъ порядкѣ Россія народная сможетъ собрать тѣ свои силы, которыя въ Государственной Думѣ въ грозномъ спокойствіи противопоставятъ себя бюрократіи. Намъ скажутъ, что странно проповѣдовать порядокъ, когда бюрократія водворяетъ свой „порядокъ“ неисчислимыми безчинствами, упразднившими совершенно Манифестъ 17-го Октября—въ

новѣйшее время бюрократическое безстыдство дошло даже до возстановленія административной высылки! Но какъ ни трудно, повидимому, отстаивать эту точку зрѣнія,—мы всетаки глубоко убѣждены, что ею указывается кратчайшій путь къ окончательной побѣдѣ надъ бюрократией. Въ борьбѣ на улицахъ Россія чиновно-владѣльческая всегда будетъ сильнѣе Россіи народной, и всякое пораженіе на улицахъ оставляетъ—хотя бы на извѣстное время—въ душѣ народа уныніе и испугъ, парализуя его политическую энергію. Если гвардіи бюрократіи съ Дубасовыми во главѣ хочется непременно стрѣлять,—то необходимо *заставить* ее стрѣлять не иначе, какъ по.... Таврическому Дворцу. Въ такомъ случаѣ все будетъ ясно, и гг. Гучковы будутъ поставлены на ту острую грань, на которой придется выбирать между служеніемъ народу и послугами адмиралу Дубасову, между патриотизмомъ и хамствомъ.

Бюрократической реакціи нужны безпорядки и „революціи“, и потому она съ такой злобой и наглостью дразнитъ народъ своими безчинствами.

Народу нуженъ порядокъ, ибо только въ порядкѣ онъ сможетъ осознать полную непримиримость между Россіей народной и Россіей бюрократически-владѣльческой.

Петръ Струве.